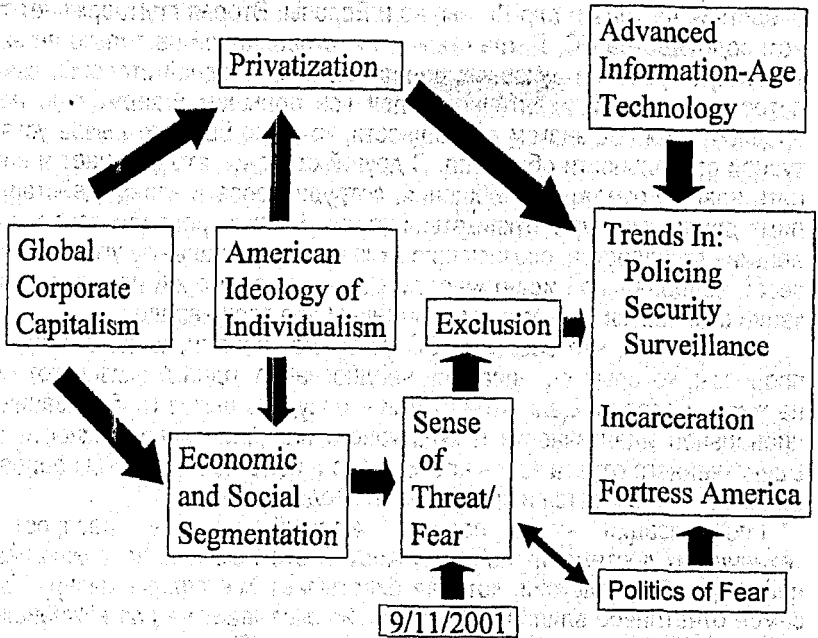

Figure 1

A Model of Transformation in American Social Control Institutions and Practices

<http://www.ojp.usdoj.gov/bjs/pub/pdf/cp04.pdf>

Walzer M. (1979): *Ensaio sobre a Desobediência, Guerra e Cidadania – das Obrigações Políticas*, Rio de Janeiro, Zahar.

Wronka J. (1999): *Teaching Human Rights to Social Work Students*, in: Pantucek, Peter/ Vyslouzil, Monika (Hrsg.): *Die moralische Profession. Menschenrechte & Ethik in der Sozialarbeit*, SOZAKTIV e.V., St. Pölten, p.197-210.

ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Проф. habil. dr. Вальдас Прускус

Department of Philosophy and Political Theory, Vilnius Gediminas Technical University

С восстановлением независимости Литва решительно повернула в сторону Запада, внедряя рыночную экономику и ценности демократической жизни. Широко поддерживаемые стремления экономического благосостояния и решительные действия властей ускорили процесс превращения Литвы в полноправного члена ЕС, а вместе с тем и надежды достичь более высоких жизненных стандартов для своих граждан. В свою очередь интеграция в экономические и политические структуры ЕС и обязанности членства в нем наряду с надеждами породили и проблемы.

Взращаемая ЕС идея более тесного сотрудничества государств и народов и взаимопомощи, по сути означает две важных вещи. Первая – подтверждение того, что Литва может надеяться на действенную помощь, предоставляемую через структурные фонды ЕС на осуществление реформ и преодоление трудностей, потому что одни мы вряд ли решим свои проблемы. А провал реформ может иметь непредсказуемые последствия не только для Литвы, но и Европы. Вторая подтверждает то, что, став членом содружества ЕС, Литва становится сторонницей не только ее экономических, но также культурных и духовных ценностей. Это, с одной стороны, означает опасность потери культурной идентичности при все большем утверждении новых культурных предпочтений под знаком всеобщности, которые бросают вызов установленной культурной стабильности общества. С другой стороны, это означает и необходимость понять новые возможности общения, сотрудничества и взаимодействия с представителями других культур и откликаться на них. К таким реалиям особо чувствительны маленькие государства, осознающие их как вполне реальную угрозу. И прежде всего для своей национальной идентичности, сохранение которой на фоне процессов глобализации становится серьезным испытанием для всех народов.

Несомненно, что создание ЕС ускорило глобализацию, а заодно и подчеркнуло процессы, которые оцениваются неоднозначно, однако оказывают большое влияние на жизнь народов. Цель этой статьи – обсудить вызов глобализации сохранению национальной идентичности и культурного наследия и возможности ответить на это. Единственного ответа здесь нет. Видимо и быть не может. Тем более, что и сама глобализация понимается и принимается неоднозначно.

Глобализация – это процесс, который поощряет распространение научно-технических достижений по всему миру. В этом смысле ее можно назвать своеобразной формой ортодоксии, которая охватывает все сферы жизни. Однако чуть ли не самое отчетливое влияние глобализация оказывает на две важнейшие области человеческой деятельности – экономику и культуру. Правда, воздействие глобализации на упомянутые области неодинаково.

Кажется, что экономика не так ранима, как культура. Дело в том, что взгляд на экономику как на определенную систему мышления основывается на модели экономического поведения индивида, которая обуславливается отношениями, возникшими на рынке между отдельными участниками сделки. Парадигма экономического мышления основана на мотиве рациональной деятельности индивида, стремящегося к большей прибыли. Этим мотивом отмечены все старания отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом [1].

Тогда как на арене культуры такой всеобщей цели нет. Культура (и ее ценности) по разному понимают и рассматривают представители разных национальностей (культурологи, социологи, философы и др.). Нет единодушного взгляда на то, каковы основные мотивы культурного действия и источники, что поощряет создавать ценности культуры (продукты). Поэтому неудивительно, что влияние глобализации на культуру гораздо заметнее. С другой стороны, нужно заметить, что именно культура является тем, что более слабые (экономически) страны стараются преподнести миру. Более сильные обычно представляют свои экономические достижения. Поэтому на так навязываемые глобализацией универсальные правила, которые стали бы предпосылкой не только всеобщего распространения рынка, но и создания стандартов соответствующего культурного поведения, подходящих для представителей всех культур, смотрят с особо большим недоверием. [2]

С одной стороны, это означает явную опасность потери национальной идентичности при все большем укоренении новых культурных предпочтений под знаком всеобщности. Новые культурные ценности и предоставляемые продукты и услуги культуры бросают вызов установившейся культурной стабильности общества, и следовательно, начинают покушаться на его культурную безопасность, которая нередко очень выделяется закрытостью и корпоративной солидарностью. С другой стороны, это означает необходимость пытаться понять и принять новые возможности общения, сотрудничества и взаимодействия с представителями других культур. Воспитывать в себе дух гостеприимства. А это не легко и не просто. Однако необходимо стараться яснее понять, распознать и определить особенность ценностных ориентаций и возможности взаимодействия, которые могут влиять на развитие общества и индивида. А это самое главное. Несмотря на напряженность и трудности, которые объективны, возможности перенятия ценностей культуры для всех народов более или менее одинаковы. Другое дело – их желание и проявляемые усилия. Куда сложнее обстоит дело с возможностями в сфере экономики. Поскольку неравенство возможностей здесь особенно отчетливо и продолжает увеличиваться.

Вне сомнения, – глобализация является серьезным вызовом и экономике национальных государств. Информационная революция дает возможность быстро передавать технологии производства продукции от одной страны другой, влиять на изменение экономических структур, рабочей силы и миграцию капитала и через это способствовать процессам глобализации экономики. [3] Очевидно и то, что ослабевает мощь и роль национальных государств как эффективной экономики и политической силы. И хотя миру это идет на пользу, однако эта польза сохраняет свою «ограниченность»: общество становится более продуктивным и эффективным, так как появляются возможности воспользоваться новейшими технологиями производства и управления в стремлении ко всеобщему благосостоянию и безопасности. Эта безопасность – результат увеличения глобальной экономической безопасности. [4] Но ясно и то, что общества, становясь безопаснее, не делаются справедливее.

Правда, большее доверие к частной инициативе, чем к коллективной возрастает, благосклоннее смотрят на уменьшение государственных функций регулирования, все чаще высказываются за приватизацию. Однако в этом процессе есть свои выигравшие и проигравшие. Это означает, что существующее неравенство в сфере экономики, обусловленное конкретными обстоятельствами исторического развития и формами экономической жизни, сохраняется и далее. Более того, реальность экономического развития такова, что разрыв между бедными и богатыми странами возрастает. Такой факт вызывает дискуссии, в самом ли деле глобализация предоставляет всем народам одинаковые возможности экономического развития и из-за нее неизбежно увеличивается национальный продукт. И так, нет единодушного мнения насчет того, благо или зло глобализация, увеличивает она разрыв между развитыми странами и развивающимися или уменьшает, увеличивается ли бедность при процессах глобализации или наоборот.

Глобалисты утверждают, что в процессе глобализации неравенство среди стран уменьшается. В качестве доказательства приводятся и такие широко применяемые показатели, как рост ВВП на одного жителя и рост годовых доходов одного жителя. [5] Антиглобалисты возражают: так поступать нельзя, потому что страны разного размера. Например, Китай и Саудовская Аравия. Жителей в Китае больше, а потому и

относительно выше рост ВВП, т.е. в Китае создается больше продуктов, чем в Саудовской Аравии; однако и жителей больше, поэтому и произведенного продукта на одного жителя приходится меньше, чем в Саудовской Аравии. Значит, применение такого критерия, как ВВП на одного жителя, не годится.

Во-вторых, доходы, приходящиеся на одного жителя, также не могут быть критерием роста, потому что различна покупательная способность денежной единицы. Например, что купишь за юань и за фунт стерлингов? Очевидно, что их покупательная способность будет сильно различаться. Следовательно, для сравнения доходов на душу населения необходим сложный пересчет покупательной способности денежной единицы по сравнению с другими валютами. Кроме того, не нужно забывать, что одни страны вычисляли рост ВВП давно, а другие начали делать это еще сравнительно недавно. Потому трудно установить тенденции роста ВВП и их закономерности.

Нет единого взгляда и на рост бедности. По утверждению глобалистов, бедность при глобализации хозяйства снижается (20 лет назад бедные в мире составляли 30 % всего населения, теперь – около 20 %).

Антиглобалисты, также основываясь на статистике, доказывают, будто бедность в мире не уменьшается: богатые развитые страны и дальше богатеют, а бедные все более нищают. Более того – разрыв меж ними увеличивается (в 2003 г. по данным Юнеско 20% населения бедных стран мира имели доходы 10% от среднего значения доходов населения развитых стран).

Так же увеличивается неравенство среди населения стран. Возьмем, к примеру, хотя бы Словению и Саудовскую Аравию: в обеих странах приблизительно одинаковые доходы на душу населения. Однако неравенство более явное в С.Аравии, где налицо большее расслоение, чем в Словении.

Нужно отметить, что при установлении степени бедности (богатства) определяющее значение имеют выбранные критерии. Как показывает опыт, в странах применяются различные параметры бедности. Другими словами, в «корзину бедности» складывают разные вещи (возьмем хоть бы границу бедности в США и Литве – доходы на душу населения в год...) Справедливости ради надо признать, что в абсолютном выражении бедность в мире все же уменьшается.

Существуют два существенно различных взгляда на глобализацию, ее последствия, и свои критерии измерения ее последствий имеют право на существование, тем более, что это помогает лучше понять само явление глобализации и выявить проблемы, связанные с неравенством и бедностью, актуальностью и сложностью. Создаются все новые инструменты измерения указанных явлений. Правда и то, что их использование дает различные результаты.

Несмотря на это, неоспоримы позитивные действия глобализации, поощряющие развитие экономических сил, заставляющие использовать все имеющиеся возможности, оказывающие заметное влияние на стиль жизни. [6] Появляется все больше возможностей пользоваться не только материальными товарами и услугами, отмеченными знаком всеобщности (например, джинсы, кока кола и пр.), но и ценностями культуры, сыскавшими известность в мире кинофильмами, произведениями литературы т.д. Это оказывает влияние, с одной стороны, на изменение понимания в целом самого функционирования экономики и экономического поведения индивидов, а с другой стороны – культурного поведения и роли культуры в жизни общества (приемлемости культурных ценностей). Следовательно, можно утверждать, что глобализация:

- способствует распространению экономических и культурных ценностей (упраздняет границы) и через это дает новые возможности индивиду и обществу.
- требует их поглощения, усвоения, и таким образом, превращает их в «работающие ценности». Другими словами, обосновывает ими необходимость удовлетворения материальных и нематериальных потребностей человека.

Вероятно, что именно из-за их усвоения будет создано новое качество социальной, политической и культурной жизни. А это, в свою очередь, повлияет не только на дальнейший экономический рост, но и на возникновение новых парадигм общественного развития, инкорпорирующих экономические, социальные, политические, экологические и культурные действия в единое целое. [7]

Упомянутые факторы станут решающими и при установлении требований пригодности для общества осуществляемых экономических, социальных и культурных проектов, которые в свою очередь стали бы и *критериями демократизации общества и поддержания его стабильности*. Такими критериями могли бы быть:

- поддержание баланса между стремлениями экономического благосостояния и удовлетворением духовных культурных потребностей общества (т.е. в каком объеме учитывается в реализуемых проектах соотношение материальных и нематериальных благ);
- принятие во внимание внутренних отношений поколений в отношениях справедливости среди отдельных социальных групп, поколений (не создаются ли искусственные препятствия для проявления в определенных сферах деятельности, и все ли, невзирая на социальное положение, пол, национальность т.д. обладают равными правами и возможностями заняться той деятельностью, которой хотели бы);
- помощь и поддержка разнообразия в экономике, культуре и других областях человеческой деятельности;
- существование механизмов, которые бы защитили от безответственных и неосмотрительных действий власти и экономических структур (т.е. насколько общество подготовлено к неожиданностям – экономическим, экологическим потрясениям и т.п.);
- поддержка культурных систем и признание их независимости, а также значения для экономического развития, т.е. насколько поддерживается в обществе равномерное развитие разных форм культуры, не выделяя ни одной как особенной; созданы ли условия, и в какой степени для самовыражения их создателей; как обеспечивается независимость этих культурных систем (экономическая, социальная, идеологическая и т.д.).

Последнее особенно важно для сохранения культурных «экосистем», так как известно, что реальная экономика этому уделяет значительно меньше внимания, чем сохранению естественных экосистем. Это связано с тем, что естественные природные ресурсы - основной источник экономического производства.

С другой стороны, очевидно и то, что отрицание культурного и человеческого капитала, недостаточная оценка его важности может реально угрожать и самой судьбе натурального капитала: при попусшении безоглядному истощению природных ресурсов в конце концов имеется риск их потери как важных производственных ресурсов, что неизбежно повлияет и на экономическое развитие. [8]

Итак, глобализация не только актуализирует необходимость взаимодействия экономики и культуры в достижении экономического благосостояния, но и бросает вызов народам, культурам и обществам. [9]

Один из них – усиливающийся индивидуализм. Дело в том, что глобализация, характеризующаяся не только свободным движением рабочей силы и капитала, но и более

интенсивным обменом продуктами культуры формирует человека нового типа – иммигранта, глобалиста, лелеющего индивидуализм и демонстрирующего нежелание связать себя с нормами и ценностями общества, принадлежать им. Этот принцип «непринадлежности» (не связывать себя с конкретной группой, традицией, поведением) стал своего рода принципом принадлежности обществу индивидуалистов. Не секрет, что индивидуализм уничтожает чувство национального «мы», которое исторически сформировалось на основе сложившейся общности культуры, языка, территории, экономики, проживания. В таких обстоятельствах государство теряет свою основу – национальную идентичность. А культурная индивидуальность – существенная часть индивидуальности национальной.

Во-вторых, потребление культуры. Глобализация экономики втягивает в рынки своего управления и культуру, которая все более становится продуктом массового потребления. Быстрыми темпами интернационализируется индустрия развлечений (кинофильмы, музыкальная мода и т.п.). Так, процесс глобализации бросает сильный вызов национальным культурам, за долгие годы развития воспитавшим в себе особый код, согласно которого воспринимаются и аккумулируются воздействия мирового процесса. Теперь этот код подвергается сильному давлению, которому все труднее сопротивляться. Несомненно этому способствуют и современные средства коммуникации. Интернет передает и помогает внедрять культурные ценности, взгляды на социальные отношения, семью, религию, человеческое существование и т.д., которые, будучи новы и привлекательны, могут вызвать (и вызывают) сомнения в традиционных культурах и заглушить их. Культурное доминирование становится особенно серьезной проблемой, когда распространяет ошибочные ценности (искусственные, мотивируемые узкими эгоистическими стремлениями), враждебные действительному благу каждого индивида или их группам. Современное положение отличается тем, что *современные средства коммуникации передают ценности Западной культуры людям и обществам, часто недостаточно подготовленным их оценить и воспринять.* Вместе с тем заглушается и национальное самосознание, а с его ослаблением все трудней становится сохранить своеобразие. Так понемногу «промывается» и народная память, а именно она тот источник, который питает стремление к своеобразию и вызывает сопротивление вызову глобализации.

В-третьих, ослабевание роли религиозных ценностей и церкви. Уменьшается влияние церкви как провозгласителя и хранителя универсальных ценностей, так как одобрение их обществом понемногу слабеет: утверждается постмодернистский плюрализм ценностей, все чаще переосмысляются ценности, которые общество считало незыблемыми. Занятая католической церковью и ее иерархами строгая позиция по актуальным вопросам и явлениям в обществе, скандалы по поводу неприличного поведения клира, тоже не способствуют росту авторитета церкви. Так, церковь постепенно, несмотря на свое особое положение, теряет влияние и все чаще понимается как организация, полезная и обществу и государству, поскольку готова выполнять социальные действия, которые не считаются «престижными» (развитая деятельность Каритас в епископатах) и в узком смысле защищает лишь ограниченные специфические интересы верующих. Распространение энергичных (и даже агрессивных) новых религиозных движений и неспособность католической церкви найти на это адекватный ответ, еще более уменьшают ее влияние в обществе. Следовательно, ей все труднее претендовать на роль объединителя нации, как это было в XX в.

Однако едва ли не наибольшее воздействие глобализация оказывает на три важнейших гаранта сохранения национальной идентичности – язык, экономическую самостоятельность и политическую самодеееспособность.

Прежде всего, на значимый элемент национальной культуры – язык. Он лишается своей важности, так как все меньше удовлетворяет индивида, все более зависит от потребительского образа жизни общества и диктуемых рынком новых традиций. Суть в том, что все более укореняется английский язык как единственный язык общения и сотрудничества, вытесняя на обочину языкового пространства родной язык. И к сожалению с этой ситуацией смиряются. Неуважение родного языка, неправильное публичное его употребление в речи чиновников и высших должностных лиц, вытеснение из научных, академических сфер деятельности, замена его английским языком, – это теперешняя реальность. Таким образом, литовский язык, бывший в начале 20 в. одним из важнейших средств сохранения национальной идентичности, за права которого после запрещения его царскими чиновниками (1864) боролись четыре десятилетия, заметно сдает позиции. Хотя формально литовский язык – это один из используемых рабочих языков ЕС, тем не менее, как свидетельствуют факты, им не пользуются на всех мероприятиях, как то предписано в регламентах ЕС. И вина в том по большей части на наших институтах власти, которые об этом недостаточно радуют. И поэтому не только не защищаются права литовского языка, но и уменьшается престиж государства.

Другой не менее важный результат глобализации – уменьшение экономической самостоятельности. Реальность такова, что экономика Литвы все теснее интегрируется в мировую экономику, неизбежно теряя свою самостоятельность, становится все более зависимой от мировой экономики. С другой стороны, в условиях свободного движения капитала и труда международный капитал с большей силой пускает корни в Литве. Для Литвы это становится актуальной проблемой. От того, что общая экономическая мощь Литвы намного слабее, чем других развитых стран, существует реальная опасность, что в Литве экономическую моду могут диктовать (и делают это) другие, уже представители чужой страны (и необязательно дружественной Литве страны ЕС), у которых свои цели и потребности. Капитал не сентиментален, деньги не пахнут, но имеют силу. Также и политики. Поэтому есть основания полагать, что снижение экономической самостоятельности умаляет и политическую. Поэтому особенно актуально звучат призывы и усилия содействовать формированию слоя своих предпринимателей, который стал бы тем активным экономическим и культурным меньшинством, которое своими ресурсами и занятой позицией поддержало бы устойчивость национального своеобразия.

Третий вызов – *ослабление политической самостоятельности*. Как член ЕС Литва делегирует часть суверенитета ЕС, и, таким образом, отказывается от доли самостоятельности. В Литве верх берут законы ЕС, которым мы обязаны подчиняться. А это, в свою очередь, уменьшает доверие к своему государству, его авторитету. Граждане не доверяют правосудию своего государства и ищут защиты своих прав в судах ЕС. Ослабляющее доверие к своей власти, компетенции чиновников ее институтов, их способности решать наболевшие социально-экономические вопросы, увеличивает эмиграцию молодежи, что способствует уменьшению национального самосознания.

С другой стороны, очевидно и то, что политики и особенно – представляющие Литву в ЕС, не осознали долга настойчиво отстаивать интересы своего государства, избегают высказывать свою позицию, которая необязательно совпадает с позицией боль-

ших государств, критически оценивать их предложения из боязни соответствующих санкций. Это политическая неполноценность, политический сервиллизм, перенятый от советских времен, нередко мешает Литве быть полноценным членом ЕС. Видя такое «тихое соглашательство» Литвы, ЕС (особенно большие страны) не слишком склонны учитывать ее жизненно важные интересы. На нее смотрят, как на транзитную страну, которая в ходе истории не раз управлялась чужаками, не имеющую своей строгой позиции по важнейшим вопросам и неспособную их отстаивать. Ее политическая элита – инфантильная, постоянно выясняющая свои взаимоотношения и все никак не могущая это сделать, не имеющая ясного взгляда насчет будущего Литвы. Из-за неуверенности в своем будущем, взгляд обращают не только на Запад, но и на Восток. Это заставляет ЕС смотреть на Литву с осторожностью и не слишком считаться с ее интересами, зная ее «сговорчивый характер».

Итак, как видно, глобализация, навязывая миру всеобщие универсальные правила общения и повсеместно принятый язык, активизировав процессы глобализации экономики, изрядно затруднила возможности сохранения национальной идентичности. Каков же возможный ответ на указанные вызовы?

Во-первых, почитание и бережное отношение к своему языку, культуре и национальным ценностям. Европа очень ясно решила быть культурной структурой и культура каждого народа – европейская ценность. ЕС полна решимости охранять, поощрять и развивать национальное своеобразие. Каждый, уважающий себя, обязан уважительно относиться и к ценностям других. Ценности тоже не вечны, они не могут не подвергаться влиянию духа времени. Уважение к национальным ценностям важно, но очевидно также и то, что мы быстрее потеряем национальные особенности, если не будем пропагандировать своих ценностей. Только сохранив национальные ценности, мы будем уважаемы и интересны как для себя, так и для других. С другой стороны, не стоит забывать и то, что раскрытие культурного наследия народа и его оберегание имеет смысл только в контексте общего культурного наследия ЕС. Это означает необходимость не только интересоваться культурами новых соседей, но и впитывать их, усваивать и через это стремиться к новому качеству экономической, политической и культурной жизни.

Во-вторых, более активное отстаивание своих экономических интересов. Вступив в ЕС, приходится защищать свои и учитывать интересы других. Это неизбежно. Чтобы делать это эффективно, нужно ознакомиться с другими государствами содружества, интересы которых совпадают с нашими и объединяться с ними в блоки. Так можно лучше отстаивать свои экономические интересы. Не менее важна и направленная, ориентированная на будущее стратегия поддержки своего бизнеса и предпринимателей как социального слоя. Это должно стать составной частью политики государства, не на словах, а конкретными делами. Вполне возможно, что это не только создаст предпосылки для того, чтобы литовский капитал оставался в стране, но и будет способствовать его возвращению в Литву. Так были бы созданы более благоприятные условия для роста среднего слоя, который мог бы поддержать и материально национальные проекты и инициативы.

В-третьих, более активное отстаивание своих политических интересов. Суть в том, что как члену ЕС Литве следовало бы активнее участвовать в принятии решений по важнейшим вопросам содружества, предлагать инициативы и таким способом снижать авторитет в ЕС. Политическая активность государства, поддерживаемая гражданами,

данами, создала бы более благоприятные условия и для распространения национальной идентичности.

Несомненно то, что сохранение национальной идентичности и культурного наследия напрямую большей частью зависит от активного меньшинства общества и усилий инертного большинства, и их равновесия. Однако в наше время реалии таковы, что нельзя полагаться лишь на поддержание равновесия самопроизвольных сил традиций общества. Гарантом сохранения народа, его культурных ценностей, преемственности все больше становится политическое государство со своим бюрократическим аппаратом. Значит, без сомнения возрастает и его ответственность за сохранение и взращивание национальной идентичности и самоутверждения, а так же национальных культурных ценностей.

С другой стороны, вызовы бросаемые глобализацией, - это реальность, с которой приходится считаться, и с каждым разом их все больше. Они, как новые знаки на дороге: возможно не все для нас приемлемы, но чтобы благополучно достичь цели, нельзя их не замечать, а тем более, не обращать внимания. Ведь за безопасную езду в пути в первую очередь ответственны мы сами.

Literature

1. Axford B., 2001. *The Global System: Economics, politics and culture*, Cambridge : Polity Press.
2. Hostede G., 2001. *Culture's Consequences*, London : Sage.
3. Hook S., 1997. *Human values and economic policy*. New York: McGraw-Hill.
4. Barro R.J., 2001. *Economics Growth*, New York: McGraw-Hill.
5. Masusyma S., Vandenbrink D. and Yue Chia Siow (eds.), 1997. *Industrial Policies in East Asia*, Tokyo: Nomura Research Institute.
6. Rao C. (ed), 1998. *Globalization, Privatization and Free Market Economy*, Westport: Quorum Books.
7. Paacock A. and Idle R. (eds), 2003. *Cultural Economics and Cultural Politics*, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.
8. Griffin K., 2003. *Studies in Globalization and Economic Transitions*, London: Macmillan.
9. Held D., 2004. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУСОВ: ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА

Л.Г. Титаренко

Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь

В настоящее время в постсоветском белорусском обществе наблюдается смена доминирующих типов групповой идентичности и механизмов идентификации, позволяющая говорить о ее трансформации [см.5].

Идентичность изучается разными науками, что обуславливает необходимость как проведения ее комплексных исследований, так и разработки классификаций, которые будут приняты в этих науках, согласование их методики измерения. Прежде всего, разные авторы анализируют такие типы идентичности, как этническая и религиозная, а также профессиональная, в последние годы сюда прибавились гендерная и возрастная идентичности. Однако общего понимания процесса конструирования и трансформации ценностей, единого категориального аппарата пока не разработано.